

Керсновский, Антон Антонович.
К36 **Философия войны. История русской армии / А. А. Керсновский.** — Москва : Эксмо, 2023. — 704 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-162272-5

Антон Антонович Керсновский (1905–1944) — один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи дипломированным офицером российского Генштаба, он самостоятельно создал фундаментальные труды «Философия войны» и «История Русской армии», которые занимают значительное место в ряду основополагающих работ по русской военной истории. Его статьи с интересом переводили на многие европейские языки, в том числе и немецкий, где подписывали словами «русский генерал Керсновский», хотя автор никогда не имел воинского звания. Немецким военным и в голову не приходило, что с кем-то ниже рангом мог лично полемизировать на журнальных страницах «творец рейхсвера» генерал-полковник Йоханнес фон Сект, который в 1920-х гг. заложил основы воссоздания германской армии и ее технического перевооружения и разработал концепцию маневренной войны, что привело к блестящим успехам вермахта в начале Второй мировой войны.

Самостоятельность суждений, убежденность, глубина анализа, широкие познания в военной истории, теории и практике военного дела, чуткое понимание армейской психологии — так характеризовали специалисты труды Керсновского. Публиковать фундаментальные статьи на военные темы Антон Антонович начал в 20 лет. Он слишком рано ушел из жизни, не успев сделать всего, что наметил; многое было утрачено в период войн и эмиграции. Но и тех трудов, что Керсновский написал, достаточно, чтобы назвать его одним из самых глубоких русских историков.

«По своему военному мировоззрению Керсновский принадлежит к школе русских военных классиков и является убежденнейшим проповедником русского духа. В этом сила и качество его творчества», — писал видный монархист, генерал Генерального штаба русского зарубежья, доктор военных наук, профессор Борис Штейнфон.

Эта книга выходит в популярной серии «Российская императорская библиотека», собравшей классические работы по истории России, настоящие шедевры отечественной исторической мысли, появление каждого из которых в свое время стало крупным событием общественной жизни страны. Имена авторов говорят сами за себя: Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, С. Ю. Витте, Е. В. Тарле, — и все эти труды обозначили начало новой эпохи в деле изучения нашего прошлого.

УДК 355.1(091)(470)
ББК 68.49(2)

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ И ЕГО ТРУДАХ

От Издательства

Антон Антонович Керсновский — один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи дипломированным офицером Российского Генштаба, он самостоятельно создал фундаментальные труды «Философия войны» и «История Русской армии», которые занимают значительное место в ряду основополагающих работ по русской военной истории.

* * *

Антон Антонович Керсновский родился 23 июня 1905 г. (некоторые ученые называют 1907 г.) в родовом имении семьи — деревне Цепилово, близ города Сороки в Бесарабии. Его отец — тоже Антон Антонович Керсновский — был юристом-криминологом, следователем Одесской судебной палаты. Мать, Александра Алексеевна, урожденная Каравасили, преподавала иностранные языки.

В гимназические годы Антон Керсновский в полном объеме проявил семейную любовь к литературе и способность к языкам. Однако со временем юноша все более увлекался военным делом. Вероятно, он бы продолжил дело деда по отцовской линии — полковника-геодезиста Антона Антоновича Керсновского. Однако грозный ход исторических событий стремительно опередил срок возмужания юного последователя А. Суворова и М. Скобелева.

В Одессе, где в мирное время семья Керсновских жила на Маразлиевской улице, за годы революции и Гражданской войны власть менялась, по самым скромным подсчетам, 14 раз. Так что проследить в этом горниле прочерк частной судьбы, тем более столь юной, практически невозможно. Известно только, что 15-летний Керсновский оказался в Добровольческой армии и храбро воевал в ее рядах «баклажкой» — так в Белом движении называли малолетних гимназистов-воинов.

В 1920 году вместе с остатками Белой армии Керсновский эмигрировал в Сербию, затем вернулся в родное Цепилово, вошедшее в состав Румынии, откуда выехал в Австрию с целью продолжения обучения. В Вене Антон Антонович окончил Консульскую Академию, потом переехал во Францию. В Дижоне он обучался в местном университете, а в Сен-Сире прошел курс в знаменитой военной школе.

Во второй половине 20-х гг. Керсновский окончательно обосновался в Париже. Его несомненно ждала прекрасная будущность, но все свои отличные качества: выигрышную внешность, элегантные манеры, блестящий интеллект с обширными познаниями в области дипломатии, истории, языков, завидные знакомства и престижные связи, Керсновский принес на алтарь любимой России и ее многострадальной армии.

Этот молодой человек удивлял всех исключительной работоспособностью и неистовой целеустремленностью. Жизнь в эмиграции давалась нелегко: приходилось давать уроки, разносить почту, выполнять мелкие заказы и пр., а он радовался ночной работе, ибо днем можно было проводить долгие часы в парижских архивах и библиотеках.

Первая статья Керсновского «Об американской артиллерии» появилась 20 марта 1927 г. в белградском еженедельнике «Русский военный вестник»

(с 1928 г. — «Царский вестник»). И этот научный старт был такой силы и глубины, что о нем многоуважаемый теоретик военного дела, генерал-майор Борис Владимирович Геруа сказал: «Он сейчас совершенно свободно мог быть профессором Военной Академии». Издатель «Военного вестника» Николай Павлович Рклицкий, будущий архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон, высоко оценил талант 20-летнего автора и предоставил ему неограниченную возможность выступления на своих печатных страницах. В результате до 1940 года Керсновский опубликовал здесь более 500 (!) различных материалов.

Сначала исследователь сосредоточился на вопросах истории и современного состояния вооруженных сил государств. Этому были посвящены его статьи «Германская конная дивизия военного времени», «Сущность французской военной реформы» и др. Другая серия статей разрабатывала русскую проблематику: «Упущенная возможность», «Ко второй гражданской войне», «Военизация страны», «Наша будущая малая армия» и др. Также Керсновский уделял большое внимание внутреннему и международному положению стран, особенно Германии начала 30-х годов. В цикле статей он не просто предсказал возврат войны и приход Гитлера к власти, но и сделал грозное предостережение: «Для нас, русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг».

С конца 1932 г. в «Царском вестнике» стала публиковаться в сокращенном варианте «Философия войны» (вся книга увидела свет в 1939 г.). А с 1933 г. по 1938 г. выходил в Белграде его основной труд «История Русской армии» в 4-х томах. Что же касается других книг, то двухтомное «Военное дело» так и осталось в рукописи, а о «Русской стратегии в образцах», «Крушении германской военной доктрины в 1914 г.», «Синтетическом очерке современных компаний» и ряде других трудов известно лишь по косвенным и отрывочным упоминаниям.

Феномен Керсновского поражал современников прежде всего разительным несоответствием возраста гражданского человека и его профессиональной военной подготовкой. Полагали даже, что имеет место мистификация или что-то в этом роде, вплоть до коллективного псевдонима. Впрочем, загадку этого явления радикально и по-своему разрешили в той же Германии, когда, вслед за Югославией, Болгарией и Чехией, стали охотно переводить статьи Керсновского

и с пиететом именовать автора *russischer General Kersnovski* — «русский генерал Керсновский».

Немецким военным и в голову не приходило, что с кем-то ниже рангом мог лично полемизировать на журнальных страницах «творец рейхсвера» генерал-полковник Йоханнес («Ханс») фон Сект, который в 1920-х гг. заложил основы воссоздания германской армии и ее технического перевооружения и разработал концепцию маневренной войны, что привело к блестящим успехам вермахта на первом этапе Второй мировой войны.

Юбилейный номер «Царского вестника» издателя и читатели целиком посвятили Керсновскому. Более 100 русских офицеров, участников Мировой и Гражданской войн, приветствовали его в своем адресе «как высокоодаренного военно-литературного труженика». «Ваши статьи, политические обзоры, — писали далее они, — мы всегда читаем с большим интересом и всегда мысленно благодарим Вас за Ваши неустанные труды. Особенно ценно, что Вы сочетали в себе всестороннее образование, молодость, глубокий патриотизм и истинное понимание нашей родной Армии».

Незадолго до нападения Германии на Францию Керсновского призвали во французскую армию и отправили на фронт. «Грустно и несправедливо, — писал он родным из окопов «странной войны» в феврале 1940 г., — умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине».

Вскоре пришло сообщение о гибели Керсновского под Деммартеном. И хотя оно оказалось ошибочным, но приблизило смерть ученого, ведь тяжелое ранение и нищая жизнь после демобилизации обострили застарелый, еще с Гражданской войны, туберкулез.

Мать Керсновского и его сестра Ефросинья (глава семьи умер в 1936 г.) остались на территории Бесарабии, присоединенной в 1940 г. к СССР, и от них не было никаких известий. Буквально всем для Керсновского в последние годы и дни стала его любимая жена Галина Викторовна, урожденная Рышкова, сестра знаменитого в кругах русской эмиграции военного писателя Е. Тарусского. Маленькая семья Керсновских долгое время жила «на птичьей верхотуре», в чердачной комнатке, увидевшей и трагический конец супругов.

Антон Антонович Керсновский скончался 24 июня 1944 г. в Париже. Галина Викторовна не перенесла смерти любимого мужа и выбросилась из окна на тротуар, как только поняла, что его больше нет. Керсновский был похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в одной могиле с женой.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Строки эти представляют посильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело — возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной — одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров — Клаузевиц, его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло, «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы. Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно не использованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штамп германского Большого Генерального штаба.

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность, а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 г., разгромом в Японскую, Великую¹, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание русской национальной военной доктрины стоит с 1800 г. незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И — как на памятник в Галлиполи² — каждый должен принести на него свой камень.

Автор

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

² Имеется в виду так называемое Галлиполийское сидение — стояние лагерем регулярных частей Вооруженных сил Юга России в окрестностях греческого города Галлиполи (ныне турецкий город Гелиболу). Войска эвакуировались из Крыма в ноябре 1920 г., последние части покинули Галлиполийский лагерь в мае 1923 г. 16 июня 1921 г. по проекту подпоручика Н. Н. Акатьева в центре Большого русского военного кладбища на северо-западной окраине города был открыт памятник умершим в Галлиполи русским воинам. Построен он был как древний курган из принесенных русскими галлиполийцами 20 тысяч камней. В 1949 г. памятник был разрушен в результате землетрясения, в 2008 г. был восстановлен.

Часть первая.

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Глава I

ВОЙНА И ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ

Шестая заповедь гласит: «Не убий». На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, например духоборы, меннониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки осознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных (в частности, сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения), было поэтому сделано две оговорки при истолковании шестой заповеди, а именно — дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом — без доказательств из Священного Писания (в частности в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угодения к «властям предержащим». Сказано — «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и т. п.), и заключается уязвимое место. А между тем все эти сектантские и иные кривотолки сами собой отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве.

Для этого стоит лишь предложить толкователям шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговой своему избранному народу — народу еврейскому, но отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношение еврея к Богу своих отцов, последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как восьмая запрещает еврею красть у еврея, а девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел своим походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собой как бы армию — и десять заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил мадианитян. Самсон вразумлял филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками — и Божья благодать почилла на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо сему надлежит быть прежде» (Мф. 24, 6; Мк. 13, 7; Лк. 21, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, он заповедал им: «Никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лк. 3, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие, Богу не угодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, ответил: «Кесарево — кесарю» (Мф. 22, 21; Лк. 20, 25). И разве отбытие воинской повинности — самого тяжелого из всех налогов — не является воздаянием кесарева кесарю, царского царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Мф. 5, 39—40; Лк. 6, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверев-

лой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать — огонь небесный испепелил бы и судий, и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец — как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню — дом Отца Его, Он свил бич из веревок и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки толстовцев и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лк. 22, 35—37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны — «все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом — прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении обращается таким образом против ереси.

Святой Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями Отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротivления злу насилieм» как богопротivное, антицерковное и в конечном своем итоге — бесчеловечное.

Глава II ПОНЯТИЕ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» И ЦЕЛИ ВОЙНЫ

При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для государства и нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий.

Применив критерий высшего порядка — критерий духовной ценности, мы можем разделить все веденные человечеством войны на три категории.

Первая — войны, веденные в защиту высших, духовных ценностей, войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917—1922 г. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мероприятия для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать — авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805—1807 г., поход в 1849 г. на венгров, экспедиции французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории — абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых — незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороха и пролито крови на войнах второй категории — войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерил, как только что замечено, для этого рода войн не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» — следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма — чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, — проанализируем для примера справедливость русско-польских отношений вообще. На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли, пользуясь монгольским разгромом, наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент — многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед за тем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И Первый раздел Польши — в сущности не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия, явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была, таким образом, восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления пожить тем, что «плохо лежит», — совершенно так же, как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства у польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности

польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Личейцы Скшинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской и снова нездоровое стремление взять что плохо лежит. И в результате Рижский мир и реаннексия диссидентов.

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распри первоначальная, так сказать, органическая несправедливость совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской империи такая же несправедливость, как волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент — два десятилетия (1772—1794) — восстановления нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой — с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других конкретных случаев — например, при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска, через Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан — справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 г. — Йену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распри принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 г. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое).

И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим

Иоганн Готтлиб Фихте.

Гравюра по портрету Фридриха Бури. 1820 г.

теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому, и уже в 1813 г. Фихте¹ может держать «Речь к германской нации», чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 г. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина, совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 гг. — войнам, где справедливость, бесспорно, была на стороне Франции (подделка Бисмарком Эмской депеши в 1870 г.² и ложь о бомбардировке Нюрнберга французскими летчиками в 1914 г.).

¹ Иоганн Готтлиб Фихте (1762—1814) — немецкий философ, один из представителей немецкого идеализма; речь «К немецкому народу» была произнесена им в Кенигсберге в 1807 г. во время оккупации германских государств войсками Наполеона.

² Несмотря на действительно имевший место факт подделки Бисмарком Эмской депеши, действия Франции накануне войны 1870—1871 гг. также вряд ли можно назвать «благородными», в частности, французские требования к королю Пруссии с точки зрения дипломатии имели явно провокационный характер. Именно поэтому Франко-прусская война, по мнению большинства историков, явно не была из тех, где «справедливость, бесспорно, была на стороне Франции».

Вильгельм Бах. Портрет генерал-майора
Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица.
1820 г.

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным, почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации — для Клаузевица и его последователей, как класса — для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами — правда, довольно опасно — в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица, как и вытекающий из него «ленинизм», мы должны целиком отвер-

гнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни русской исторической традиции, ни русской воинской этике, ни просто здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть — а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное — и просто человеческое — достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земле мир, в человеках благоволение». И с этим идеалом, к которому должна эта политика стремиться, несовместимы ни закованные в цепи народы-илоты¹ по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище по Ленину.

Глава III ВОЙНА И МИР

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию, так и материальному благосостоянию. Война для него — явление того же порядка, как болезнь человеческого организма.

Война — явление, таким образом, патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию, тогда как государственный организм, наоборот, идет на риск «военного заболевания» сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный Древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. В эпоху Крестовых

¹ Илоты — в древней Спарте земледельцы, находящиеся в промежуточном положении между крепостными и рабами.

походов Запад заимствовал у Востока его науки и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI веков итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина — Италия.

Вообще же, если войну саму по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914—1918 гг. — бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 г. может сравниться разве лишь «черная смерть» XIV века и, в более слабой степени, нашествие монголов.

Но русская революция — не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она — дочь XIX века и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны — это «фашизм» и родственные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 г. и их последователи — материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного духовного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь недаром.

* * *

Со всем этим, война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло, на эту болезнь, следует лишь в положениях безвыходных — когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией (состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства). Существует две школы дипломатии.

Старая, или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, для этого родившимся. Само происхождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четы-

рех-пяти столицах, следовательно, изучал наделе четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных, т. е. практически большую часть своих иностранных коллег, гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914—1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой — ярмарочной.

Делами вместо профессионалов стали заправлять любители, вместо сведущих людей — люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться.

Она перенесла в международные отношения «внутриполитический дух» — атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами — людьми ничем не связанными — политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутриполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатироваться — с большей или меньшей некомпетентностью — вопросы первостепенной важности.

Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения, пока не удастся успокоить не вовремя расхороненную провинциальную масонскую ложу, либо парламентскую фракцию — песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, а то и исключительно с точки зрения внутренней политики, т. е. партийных интересов, и личный успех в парламенте или в избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам — толпе и вожакам толпы — не по плечу тонкая ювелирная работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы — толпы, сатанеющей от крови гладиаторов на ристалище, — и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше ком-

петентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов.

Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век Лиге наций. Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в провоцировании войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответствующих правительств), приходится три войны, которых кабинетная дипломатия не смогла предотвратить — как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок); зато на каждый такой случай приходится по крайней мере десять войн, не состоявшихся благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы вмешательству профессиональной дипломатии.

Глава IV О РАЗОРУЖЕНИИ

В Средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи холерных бунтов чернь избивала лекарей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» XX века — так называемые пацифисты, а также руководящая (и в то же время руководимая) этой чернью ярмарочная дипломатия видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличие вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, пушечные короли, ждущие барышей, вовлекают страну в военную авантюру попустительством «вырождающихся династий» и «секретной» (притом еще титулованной) дипломатии.

Таков убогий трафарет демократическо-пацифистского мышления. Эта точка зрения оратора, митингующего с бочки перед толпой невежественной черни, сделалась официальной доктриной «передовых демократий» 20-х и 30-х гг. XX столетия — эпохи демократического маршма. Бесспорно, с той же точки зрения следует

избить врачей и закрыть аптеки, чтобы избежать болезней, распустить пожарные команды, чтобы не иметь пожаров, упразднить семафоры и стрелочников, чтобы избежать железнодорожных крушений.

Само разоружение проповедуется в двух плоскостях. Замена постоянных армий народным ополчением, «воинственных профессионалов», якобы миролюбивой милицией. Одновременно с этим предусматривается отказ от ряда технических средств и преимуществ — боевой авиации или некоторых ее видов, газов, тяжелой артиллерии, чем думают сделать войны «менее кровопролитными».

Миф «миролюбивой милиции», бывший навязчивой идеей еще Жореса¹, стар и затаскан, как и вся идеология 1789 и 1848 гг. Самая антидемократическая из всех наук — история (наука, которую демократия ненавидит, и недаром: это ее смерть) учит нас совсем иному. Стоит лишь вспомнить народные ополчения древности — кимвров, тевтонов, гуннов, монголов. В Новые времена миролюбивая народная милиция упивается кровью протестантов либо католиков (смотря по ее вероисповеданию). В новейшие вооружившиеся граждане Республики «объявили мир миру», насаживая по всей Европе «либерте, эгалите» штыками и картечью, раздвинув границы Франции до Рейна и благодетельствовав народы Голландии, Швейцарии, Италии соответственно Батавской, Трансальпийской, Цизальпинской, Партенопейской республиками с гильотинами на каждой ее площади.

Столь же неубедительна, хоть и менее затаскана (ибо относится не к 1789, а к 1919 г.) аргументация сторонников ограничения вооружений посредством «изъятия из обращения» ряда боевых средств, уже успевших зарекомендовать себя на полях сражений.

Запрещаются удушливые газы. Но не запрещается химия как наука, не запрещаются химические лаборатории, физические кабинеты, фабрики искусственных удобрений и красок, наконец, просто аптеки. Запретить их нельзя, а между тем все эти учреждения в кратчайший срок могут быть приспособлены к выделке удушливых газов. Запрещается военная авиация, но

¹ Жан Жорес (1859—1914) — французский философ, историк, деятель международного социалистического движения, борец против колониализма и милитаризма. 31 июля 1914 г., накануне объявления войны и начала мобилизации, был застрелен французским националистом; Жана Жореса называли первой жертвой еще не начавшейся войны.

не запрещается гражданская, ибо запретить ее нельзя, а между тем менее чем за 24 часа все почтовые и спортивные самолеты можно превратить в бомбардировщики и истребители. Запрещаются танки, но не запрещается автомобильное и тракторное производство. Запрещается тяжелая артиллерия, но не запрещается металлургическая промышленность.

Все это разоружение, будь оно добровольным, полудобровольным или принудительным, имеет величайшее сходство с законами о принудительной трезвости, столь печально зарекомендовавшими себя у нас в России и в Соединенных Штатах. Там запрещается военная химия, но не запрещается химическая промышленность, здесь запрещается водка, но не запрещается самогон (ибо этого никто не в силах запретить) и не запрещаются деньги, за которые можно приобрести какое угодно, более или менее поддельное, вино. Обе эти идеологии — разоружение и сухой режим — в своей основе имеют полное пренебрежение человеческой природой и человеческой психологией и, будучи поэтому нежизненными, обречены на провал.

* * *

Технические средства, как это не покажется на первый взгляд странным, сами по себе отнюдь не увеличивают кровопролития. С кровопролитностью Бородинского побоища, веденного кремневыми ружьями, не сравнится ни одна операция Великой войны (под Бородино 100 тысяч человек пало с обеих сторон за каких-нибудь 8 часов, под Верденом — 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось прежде всего в затяжном характере, тягучести операций — большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности.

Кровопролитность боя — результат не столько техники, сколько плохой тактики, самого темпа, ритма операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 г., веденную в условиях сравнительно примитивной техники, французская армия теряла в среднем 60 000 убитыми и умершими от ран в месяц — расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 г., в условиях неслыханного насыщения фронта смертоносной техникой, потери убитыми не только не увеличились (как то, каза-

лось, можно было подумать), а наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20 000 человек в месяц.

Техника, таким образом, имеет тенденцию не увеличивать, а, наоборот, сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем бесспорно «подлом» естестве, дают в общем на 100 поражаемых лишь 2 смертных случая, тогда как так называемая «гуманная» остроконечная пуля дает 25 % смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории технического разоружения. Урезая технику путем разоружения, мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько (хоть и не намного) обоснованнее — теоретически — система «морального разоружения», бывшая излюбленным коньком женевских снобов конца 20-х и начала 30-х гг. XX столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо, прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов — политическую деятельность. А для того, чтобы запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую, — непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное, и, наконец, материальное и физическое.

Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явления совершенно того же логического порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобными мероприятиями, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, — жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованная от болезней, — это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни — войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войной, мы не станем заражать его пацифистскими идеалами. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам не надо ослаблять его, в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, а наоборот,